

А.А. НОСКОВ

Магистр философии

Санкт-Петербургский государственный университет

КРИТИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ МЕТОДА ТЕОРИИ ФАКТОВ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ АЛЬДО РОССИ С ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ

Знаменитое исследование Альдо Росси «Архитектура города» и предложенный им метод заслуживают критического анализа. Этот текст со всеми его достоинствами содержит ряд недостатков, которые обсуждаются в статье. Вероятно, эти проблемы усугубляются качеством перевода, но, определенно, не могут быть им полностью оправданы. Решение открытых вопросов предлагается с феноменологической позиции на основе эстетического опыта. Предложенная философская интерпретация делает рассматриваемый метод анализа городской среды универсальным рефлексивным методом исследования.

Ключевые слова: феноменология, урбанистика, городская среда, эстетический опыт

Исследование проведено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-011-00552), СПбГУ.

А.А. NOSKOV

Master of Philosophy

Saint-Petersburg State University

A CRITICAL CONSIDERATION OF THE METHOD TO THE THEORY OF FACTS OF THE URBAN ENVIRONMENT BY ALDO ROSSI FROM A PHENOMENOLOGICAL POINT OF VIEW

The famous study of Aldo Rossi «Architecture of the City» and the method proposed by him deserve a critical analysis. This text, with all its advantages, contains a number of flaws, which are discussed in the article. Probably, these problems are aggravated by the quality of the translation, but definitely cannot be fully justified by it. The solution of open questions is offered from a phenomenological position on the basis of aesthetic experience. The proposed philosophical interpretation makes the considered method of analyzing the urban environment a universal reflexive method of research.

Keywords: phenomenology, urban studies, urban environment, aesthetic experience.

The present article is part of a research project supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 18-011-00552, SPbSU.

Более чем полувековой давности исследование Альдо Росси «Архитектура города» [3], имеющее широкую известность в профессиональной среде архитекторов, искусствоведов и культурологов, при внимательном прочтении требует аккуратного и даже критического рассмотрения с наиболее общих философских позиций. И в популярном урбанистическом исследовании важны не только его вполне прозрачные идеологические основания, но и методическая база, из которых и выводится способ научного поиска на разнообразном фактическом материале, которым богат любой более-менее крупный город. Таким образом критического отношения заслуживает не только сам предлагаемый метод, выраженный живым языком, но и возможные результаты применения метода. Поскольку указанный текст при всех его достоинствах обладает и рядом ощутимых недостатков, в дальнейшем, можно предложить набросок феноменологической экспозиции метода в попытке разрешить обнаруживаемые проблемы в виде лагун и закрыть поставленные автором метода вопросы.

Но прежде чем предложить набросок феноменологического понимания, предложенного А. Росси *метода теории фактов городской среды*, следует обратиться к фактичности и туманным местам оригинального исследования. Чтобы обозначить каким сильным воздействием этих мест обладает исследовательская работа можно предложить рабочее понятие *читательский ужас*. Такие ощущения, подступающие волнами к читателю можно выделить преимущественно двух видов: категориального и методологического ужаса. Или иначе говоря, какой тезаурус вводит автор и каким образом предлагается оперировать понятиями при изучении конкретного материала. Причем, вполне вероятно, что рассмотренные ниже проблемы усугубляются качеством перевода, но, определенно, не могут быть им полностью оправданы.

Подступ к указанной проблематичности текста можно начать с простого перечисления открытых вопросов, связанных с исследовательским словарем. Прежде всего, самым важным понятием, которым предлагается оперировать в методе, становится *факт*. Последний никак не объясняется, вероятно, вследствие самоочевидности, но при этом используется почти случайным образом. Можно обнаружить помимо *фактов городской среды* (ФГС): факты истории [3; С. 16], экономические факты [3; С. 185, 190, 195], социальные факты [3; С. 45, 77, 193], коллективные факты [3; С. 124, 140, 164], артефакты [3; С. 32, 66], естественные и искусственные факты [3; С. 103], природные факты [3; С. 50], географические факты [3; С. 108], архитектурные факты [3; С. 37, 153, 166], материальные факты [3; С. 169]. А помимо этого у ФГС есть своя архитектура (sic!) [3; С. 174], что окончательно спутывает все карты. И весьма туманным здесь остается ответ на вопрос, что входит в понятие ФГС, а что в него точно не попадает. Ровно

такая же история происходит с понятием *среды*. Помимо того, что в нескольких местах в ключевом для работы понятии ФГС, *среда* заменяется словом *действительность* [3; С. 106, 116], также существуют противопоставленные друг другу среды. Например, не смотря на то, что «среда – это именно то, что создается посредством архитектуры» [3; С. 166], вводимому автором понятию *окружающая среда* противопоставлен *памятник* [Там же], так же как памятное место «не имеет точек соприкосновения с окружающей средой» [3; С. 158], а также далее: «Среда в таком понимании не имеет ничего общего с архитектурой города» [Там же]. Здесь остается немой ответ на вопрос: если есть разница в *средах*, то в чем конкретно она выражается и где проходит граница между ними?

Трепетное отношение ученого архитектора к мегаполису выражается в предложенной им концепции рассмотрения города как изделия [3; С. 63]. Или иначе говоря, город является сооружением архитектуры или инженерии [3; С. 24]. И вместе с тем произведением искусства [3; С. 29] и артефактом [3; С. 11]. Очевидно, что объемы этих понятий не совпадают и при всем этом в последнем случае исследователь признается, что ФГС «с трудом поддаются определению» [3; С. 29]. Также А. Росси оперирует несколькими понятиями, которые по признанию автора не могут быть рационально артикулированы или используются походя без объяснений оснований их появления. Например, специфичное и частотное понятие *локуса* в итоге сводится к констатации: «что такое понимание места и времени, кажется, невозможно выразить рационально» [3; С. 129]. Наравне с этим, центральное понятие ФГС, также обладает включенными в их структуру иррациональными компонентами – эти «реакции и связи не поддаются аналитическому изучению» [3; С. 219]. Конечно, согласно Канту, разум должен ставить границы возможности познания [1; С. 421–422], однако зачем оперировать в объяснении метода *вещами в себе* остается вопросом риторическим. Далее в рассуждениях о методе, о котором еще будет сказано подробнее, ученый *выражение определенного набора ценностей* напрямую ассоциирует с *коллективным воображением* [3; С. 169]. Последнее, вероятнее всего, является гипостатической конвульсией ума в попытке материализовать интересубъективность, а также, очевидно, выражением определенных социально ориентированных идеологических позиций автора, мода на которые, кажется, уже миновала.

Таким образом, хоть и не претендуя на полноту и всеохватность приведенных примеров, можно засвидетельствовать тот иррациональный читательский ужас, который вызывает известный текст при попытке освоить исследовательский тезаурус для дальнейшего использования метода теории фактов городской среды. Теперь, после осознания собственного бессилия, можно перейти к более конкретным операциональным методическим

рекомендациям А. Росси.

Прежде всего остается открытым вопрос о специфичности метода, так как ближе к концу своего трактата ученый признается, что «мы рассмотрели исторический метод» [3; С. 169] и это, несомненно, объясняет *описательный* характер потенциальных результатов применения предлагаемого способа исследования. Если обращаться напрямую к имеющемуся у читателя методологическому ужасу, то можно различить в нем ряд следующих моментов. Сперва, это *смешение разнородного* для анализа фактического материала, затем это очевидная *редукция* архитектором А. Росси к архитектурным явлениям в стремлении «к глобальному видению города» [3; С. 140], а также обнаруживаются *непроясненности значений* для метода теории ФГС нематериальных антропологических масштабов и различных сфер человеческой деятельности. К примеру, автором рассматриваемого исследования обозначаются «главные вопросы» [3; С. 40] в виде перечисления понятий: *индивидуальность, локус, память, проект*. Очевидно, что у этого вполне случайного списка слов нет общего основания, как нет ограничений для его пополнений или изъятий указанных критериев анализа предлагаемым методом. Также здесь предложено помимо целостного восприятия города различать в нем *первичные элементы* и почему-то не вторичные элементы, а *жилые зоны* или *жилые* [3; С. 16]. Причем с одной стороны «жилые всегда в большой степени определяло облик города» [3; С. 82], но вместе с тем «связь между жилыми зонами и первичными элементами формирует конкретный облик города» [3; С. 82]. Не паникуя стоит задать вопрос: все-таки связь первичного и вторичного (если жилье вторично) или жилье определяет облик города? Также можно упомянуть еще раз *архитектуру* ФГС. Если в одном месте она используется в переносном значении *структуры* [3; С. 166], то в другом на голубом глазу уже напрямую – как «архитектурная форма этого факта» [3; С. 195]. Может быть, приемлемы оба варианта, однако так ли это в действительности автор не указывает. Немаловажным для метода также являются слепые зоны, когда что-то одно выбирается за основу, а остальное игнорируется. Например, остаются в стороне нематериальные масштабы *личного* и *частного*, все внимание автор сосредотачивает на общественном: «город и любой факт городской среды по своей природе носят коллективный характер» [3; С. 60]. Также архитектор критикует неполноценность экономической сферы человеческой деятельности для объяснения сути города: «Совокупность экономических фактов не объясняет факты городской среды в их глобальном устройстве» [3; С. 185]. И вместе с тем исследователь пытается объяснить влияния на город остальными сферами: как уже было указано первостепенностью архитектуры как искусства и инженерии, а также сферой политики в части конфискации частной собственности и определенно-

го выбора социумом (см. Гл. 4 [3; С. 182]). Помимо этого не обошлось и без *духовных ценностей* [3; С. 26, 66 и пр.] – уши неокантианства проглядывают то там, то тут. Таким образом упор на объяснительную силу интересубъективности, социального, коллективного компонента лишает стройности предлагаемой автором аргументации. Последняя обладает ощутимыми зияниями в масштабах обыденного личного и частного, а также в рассмотренных и иных антропологических сферах, где важна роль не только и не столько социума.

Автор статьи вынужден просить искреннее прощение за весь этот эгзегетический экскурс, но без него не было бы никаких веских причин философски интерпретировать метод А. Росси для возможности исследований явлений города. Данный подход при смене ракурса на феноменологический, есть надежда, сможет быть куда более продуктивным. Коль скоро для автора оригинального метода важно использование времени и связывание с ним исторического процесса [3; С. 116], онтологическая феноменология М. Хайдеггера подходит для переосмысления способа анализа города и его сути. Философия раннего мастера внятно изложена в «Прелюменах к истории понятия времени» [4] и в «Феноменологической интерпретации Аристотеля» [6]. Также в связи с тем, что архитектура как вид искусства напрямую отсылает к эстетическому моменту в опыте субъекта необходимо привлечь изначальный трактат об опыте и его значении в познании субъекта за авторством И. Канта [1], и помимо этого его же трактат об актах эстетических суждений чувствования и рефлексии [2].

Предваряя экспликацию метода в его феноменологическом ракурсе, можно обозначать один важный момент, связанный с понятием *фактичности*. Коль скоро столь частотно используемый *факт* напрямую отсылает к опыту, случайному в явлениях, что можно обнаружить в связи редкими указаниями архитектора в оригинальном тексте на *истинность* в том или ином, что то есть «объективный факт» [3; С. 66] или это есть «подлинные факты» [3; С. 219] и т.д и т.п. Случайное же, явленное нам в потоке опыта, также согласно М. Хайдеггеру заслоняет феноменальную истину [4; С. 88–89]. Из чего следует предложить в понятии ФГС использовать категорию не факта, но *феномена*. Именно последние в городе обозначают несокрытость истины среды обитания человека и социума. Такие феномены более всего отсылают к теориям архитектурных *типов* или же *элементов*, рассмотренной А. Росси в главке «Типологические вопросы» [3; С. 34–39]. Далее также стоит наложить мораторий на употребление слов *окружающая среда* в значении «природа» и употреблять только последнее слово. Различные же *среды* оставить лишь как аффилированные с человеком и его культурными реликтами отличая их от *природы*. Также важно проговорить, что исследователь городской среды, как уже было указано, выделяя

первичные ФГС дает скупое их перечисление в виде *памятников и центра города*. Вторичные же ФГС, называемые *жильем*, выглядят нерядоположенными первым, т.к. выделяются по функциональному основанию наряду с *постоянными видами деятельности и сообщением* [3; С. 103]. Иначе говоря, памятники и центр города также могут быть жильем, что не вызывает никаких сомнений на примере исторической застройки Петербурга. Поэтому одна из очевидных проблем результатов исследования – выявление вторичных *феноменов городской среды* (ФГС) по иным куда более веским основаниям рядоположенным первичным феноменам.

После предварительных прежде всего категориальных замечаний следует непосредственно обратиться к методу в его феноменологическом курсе. Ключевым и принципиальным в методе является как целостное системное рассмотрение города, так и различение в нем первичных и вторичных элементов. Поскольку все внимание сосредоточено прежде всего на архитектуре – бумажной ли в планах или реальной в постройках – как искусстве и через него проводится методический анализ, то следует обратиться к *эстетическому* моменту в опыте, как *собственному пониманию*, позволяющему замкнуть до гармонического целого разомкнутое человеческое вот-бытие как бытие-при бытия-в-мире. Эстетическое в данном случае фиксированное в кантовском смысле как связывающий компонент познания, ведь «всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления» [1; С. 218], исключая, конечно, любое априорное знание. При этом не стоит сбрасывать со счетов несобственное понимание человеческого вот-бытия, обретаемое в «коллективной памяти» [3; С. 174], как метафоры трансляции мифов и истории города.

Таким образом феноменологически ощущение, чувство или *открытость к внятню* (αἴσθησις, νοεῖν) феноменов города – есть аффицирование *ноуменами* (νόημα) – пограничным в возможности познания города и неартикулируемые рационально. Эти нозмы согласно И. Канту не даны нам непосредственно, а потому пренебрежимы в познании и конституировании мира. Дальнейшее обращение исследователем к мышлению (νοῦς, νοεῖν, σοφία, φρόνησις) предстает как феноменальная развертка (ἐντελέχεια), а затем и потому как интендирование онтолого-гносеологических моментов опыта, иначе говоря априорное и понятийно-категорическое препарирование живой чувственной материи. Причем истина (ἀρχή, οὐσία, λόγος) является здесь *потенцией* или аристотелевой *возможностью* мышления в данном случае о несокрытости первооснов, сути и устройства города. Причем для М. Хайдеггера при размышлении о тождестве целого самому себе и различии в целом самоочевидным является авторефлексивный ход мысли,

который он обосновывает ссылкой на Г.В.Ф. Гегеля: «„Истина бытия есть сущность“, т.е. абсолютная рефлексия» [5; С. 26]. Эта самоочевидность есть обращение к самосохранности и непотаенности (ἀλήθεια) человеческого вот-бытия в феноменах городской среды. Мышление же как *движение* (ἐνέργεια) к намеченной цели (τέλος) осуществляется посредством особых техник (τέχνη) деятельности (πράξις) и творения (ποίησις) наличного (εἶδος) [6]. Среди этих техник М. Хайдеггер выделяет синтез и диарезис, причем: «Σύνθεσις и διαίρεσις следует понимать в интенциональном смысле. Синтез – это не связывание предметов, σύνθεσις и διαίρεσις дают предметы.» [4; С. 70]. Эти особые техники мысли имеют две принципиальные и важные для данного исследования отличительные особенности. В первом случае речь идет о предположении-мнении (ὕποληψις) как демонтаже-различенности (διαίρεσις) в демонтирующем (διαφοεῖσθαι) внятии в двух модусах: уверенно и явно (ἀλόφαντις, ἀποφαίνεσθαι) зримого (εἰδέναι) в феноменах городской среды и ошибочного (ψεῦδος) суждения [6]. Причем особенное внимание стоит обратить, что формальная аристотелева логика допускает истинную импликацию из ложных посылок. Во втором случае речь идет об оформлении мыслию (θεωρεῖν) в исследование (θεωρία) [Там же] в актах соотнесения или синтеза (σύνθεσις) и идеации (категориальные) как схватывания всеобщего [4]. В снятом виде оба движения мысли *обретаются* (ἔξις) в наброске человеческого вот-бытия проговоренным (λέγειν). Проговоренность мысли тем самым позволяет далее говорить об особом режиме суждения – эстетическом – в окончательной оформленности нашего опыта, переход его в багаж личной памяти.

Согласно И. Канту эстетический опыт – есть целесообразное созерцательное «единство мышления, направленного на многообразное вообще» [1; С. 190] фиксированное в актах эстетических суждений и вызывающие ощущения или чувства удовольствия и неудовольствия согласно «Критике способности суждения» [2]. Или иначе эстетический опыт (αἴσθησις ἐμπειρία) – есть также и *возврат* к открытости внятия интендированный наброском человеческого вот-бытия, т.е. схематизм чувств соотнесенный с неразличенностью последних в наличном опыте и вызывающий реакцию намеченного (design) эстетического отклика, что и замыкает разомкнутое человеческое вот-бытие. Таким образом раскрывается феномен непотаенности *эстетизиса* при освоении структурной, математической или чистой игровой гармонии в том или ином событии города. Здесь действительность чувственной материи (αἴσθησις) фундирована онтологическим аргументом тождества мышления и бытия, никак не обходящегося без медиума в осуществлении этого тождества, а также гносеологическим аргументом обретения истины в действии (πράξις) и творении (ποίησις) независимо от тако-го медиума – языка, кода или шифра. Тем самым можно указать, что метод

теории феноменов городской среды с философских позиций шире научного описания и реализуется каждым, кто сознательно и подотчетно своему мышлению проживает личное вот-бытие в культурной или трансцендентной ей средах города и реализуется в актах творчества как со стороны творения, так и проживания и переживания событий искусства, прежде всего архитектурных.

Дополнение собственного понимания в опыте с обращением к эстетическому до целого соотносится с пониманием несобственным и затрагивает проблему Другого, intersubъективности и соответствующих общественных практик: прикладного искусства, политики и экономики и пр. Внимание к этим сферам человеческих практик заслуживает отдельного исследования и разработок. Таким образом здесь предложен критический взгляд на известное исследование и предложенный метод А. Росси, а также его философская интерпретация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кант И. Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994. — 591 с.
2. Кант И. Сочинения в шести томах. Т.5. — М.: Мысль, 1966. — 564 с. (КСС)
3. Росси А. Архитектура города. — М.: Strelka Press, 2015. — 264 с.
4. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. — Томск: Из-во Водолей, 1998. — 384 с.
5. Хайдеггер М. Тожество и различие. — М.: Гнозис, 1997. — 62 с.
6. Хайдеггер М. Феноменологическая интерпретации Аристотеля (Экспозиция герменевтической ситуации). — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012. — 224 с.

TRANSLIT

1. Kant I. Kritika chistogo razuma. — M.: Mysl', 1994. — 591 s.
2. Kant I. Sochineniya v shesti tomakh. T.5. — M.: Mysl', 1966. — 564 s. (KSS)
3. Rossi A. Arkhitektura goroda. — M.: Strelka Press, 2015. — 264 s.
4. Khaydegger M. Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni. — Tomsk: Iz-vo Vodoley, 1998. — 384 s.
5. Khaydegger M. Tozhdestvo i razlichie. — M.: Gnozis, 1997. — 62 s.
6. Khaydegger M. Fenomenologicheskaya interpretatsii Aristotelya (Ekspozitsiya germenevticheskoy situatsii). — SPb.: ITS «Gumanitarnaya Akademiya», 2012. — 224 s.